

Петомъ опять пишетъ треглавый змѣй, требуетъ порочу на съѣденіе. Вывозятъ меньшую, посадили въ палатку. А она красавица - прекрасавица. Приѣзжаетъ этотъ братъ. «Вотъ моя невѣста,» подумалъ. Опять легъ спать, она ищетъ у него въ головѣ, видитъ: сталъ вѣтеръ подыматься, море молыхаться, треглавый змѣй летитъ. Слеза капнула ему на щеку; онъ проснулся. Съѣлъ на коня, поскакалъ. А змѣй близко не подпускаетъ: пламя велико. Подлетаетъ онъ, срубилъ ему всѣ головы, а змѣй ему кохтями голову продолбилъ. Онъ пошелъ и легъ въ палатку; она его платочкомъ перевязала. Обручились они перстнями. Онъ и уѣхалъ. Опять этотъ докторъ залечилъ ему раны.

Дни четыре прошло; посылаетъ онъ свою барыню. «Ступайте во дворецъ, вотъ отдайте двѣ просфиры большимъ сестрамъ, а эту съ перстнемъ — меньшей». Приходитъ эта барыня поздравить, что Господь избавилъ. Отдала просфиры, стали кушать, разломили. У меньшей въ просфирѣ перстень. «Вотъ гдѣ нашъ женихъ!» Король такъ радъ; тотчасъ за нимъ карету. Приѣзжаетъ; изъ себя молодецъ такой. Невѣста первая къ нему подлетѣла!... Такъ всѣ рады, созвали всѣхъ гостей и къ вѣнцу. А онъ всѣхъ даритъ золотомъ, все золотомъ. Пировали, пировали; потѣхали къ тому брату. Тамъ была ужъ такая-то радость, торжество!

(Записана мной отъ О. С. Котышевой, въ с. Котовкѣ, Ардатовск., у Нижегородской губерніи.)

120.

ДВѢНАДЦАТЬ МИКИТЪ.

Было у отца три сына. Вотъ онъ и поставилъ новый домъ и говоритъ: «надо намъ переходить въ домъ; вамъ надо по ночи ночевать.» Большой сынъ ночевалъ въ домѣ, что привидѣлось, пришелъ, отцу рассказалъ. Другой сынъ

почевалъ, что привидѣлось; пришелъ, разсказалъ отцу. На третью ночь пошелъ меньшой. Ночевалъ, приходитъ къ отцу, не рассказываетъ свой сонъ. Отецъ—мать не стали его любить за это; все его ненавидятъ. Приходитъ къ нимъ проѣзжій мужикъ. «Что, говоритъ, вѣрно, это у васъ сынъ не родной? Продайте мнѣ его.»—Родной-то онъ родной, да не нуженъ онъ намъ; возьмите его.

Поѣхалъ онъ съ мужикомъ. «Ну, говоритъ, Микита, скажи, какой ты сонъ видѣлъ?»—Отцу родному не сказалъ, матери, а тебѣ и подавно не скажу.—Вотъ онъ его не сталъ любить; бьетъ его дорогой-то. Встрѣтился съ ними баринъ. «Что ты, говоритъ, его бьешь?» — Да вотъ, говоритъ, въ новомъ домѣ ночевалъ, сонъ не рассказываетъ. — «Отдай мнѣ его!»—Возьмите. — Взялъ. «Ну, Микита, пойдемъ со мной!» Сколько времени ѣхалъ, сталъ баринъ его пытать. «Скажи, Микита, что тебѣ привидѣлось?» Микита не рассказываетъ. Баринъ не сталъ его любить, бьетъ и колотить. Дорогой встрѣчается царская фамилія. «Что ты, говоритъ, баринъ, бьешь слугу, за что?»—Да вотъ ночевалъ въ новомъ домѣ, сонъ не рассказываетъ. «Отдай мнѣ его!»—Поѣхали домой. «Ну, Микита, скажи, какой ты сонъ видѣлъ?» — Никакъ, говоритъ, не могу сказать.—Посадили его въ темницу; давали ему въ сутки фунтъ хлѣба и фунтъ воды.

Сдѣлалъ царь балъ, собралъ министровъ, вывелъ трехъ жеребцовъ. «Отгадайте: которому который годъ?» Никто не можетъ разгадать. Выпустили и этаго изъ темницы. Онъ и говоритъ: «скупите мнѣ посохъ въ семь пудовъ!» Сковали; вотъ онъ взялъ посохомъ какъ ударить жеребца по лбу. Разъ ударилъ, конь на земь сѣлъ. «Этому, говоритъ, одинъ годъ.» Другаго два раза ударилъ, сѣлъ. «Этому два года!» Третьяго три раза ударилъ. «Этому три года!»—Разгадалъ всѣхъ. Посадили его опять въ темницу.

Послѣ того великій государь поѣхалъ жениться въ другія земли; осталась одна сестра... Годъ ждеть брата, другой, третій—нѣтъ вѣсти отъ брата. Вотъ она горюетъ, подала ей совѣтъ, она и призываетъ Микиту. «Вотъ, говоритъ, Микита, уѣхалъ государь; третій годъ вѣсти объ немъ нѣтъ.»—Извольте, говоритъ, мнѣ набрать еще одиннадцать Микитъ въ одинъ голосъ, въ одинъ волосъ, чтобъ всѣ какъ одинъ были. Я сяду въ легкій корабль, поплыву царя отыскивать.—Набрали ему одиннадцать Микитъ; поплылъ онъ. Нагналъ его; а онъ только къ берегу приваливается. «Что, говоритъ, Микита?»—Сестрица о васъ соскучилась.

Пристаютъ къ берегу. А у невѣстинаго отца ихъ 12 сестеръ, какъ одна такъ и другая; узнать невозможно... Вотъ Микита и говоритъ: ваше величество! узнавайте, не ошибайтесь! Въ той, говоритъ, хороминѣ, на которую ворона сядетъ.» Выходитъ отецъ, говоритъ этому царю «Узнавай, говоритъ, свою невѣсту: въ которомъ покоѣ?» Онъ стоялъ, стоялъ; глядѣлъ, глядѣлъ. Вдругъ гдѣ ни взялась ворона, сѣла на этотъ покой.. «Моя невѣста, говоритъ, вотъ въ этомъ покоѣ живетъ». Отецъ и говоритъ: «ну, завтрашній день приходи; узнавай свою невѣсту; я ихъ выведу всѣхъ на лицо.»

Подходитъ этотъ Микита. Царь и спрашиваетъ: «какъ мнѣ узнать будетъ невѣсту?» — Не тужите, говоритъ, молитесь Спасу, ложитесь спать. — Встаютъ поутру. Онъ и говоритъ царю: «которой, говоритъ, муха сядетъ на лицо, она платкомъ махнетъ; та ваша невѣста.» Вотъ онъ пошелъ. Отецъ вывелъ своихъ дочерей, всѣ какъ одна. Вотъ онъ глядѣлъ, глядѣлъ... Вдругъ гдѣ не взялась муха... «Вотъ моя невѣста.» — Ну, говоритъ, коли твоя невѣста, надо ей салонъ сшить подъ вѣнецъ... Одна пола—моя, а другую тебѣ надо сшить.

Микита опять подходит. Царь и говоритъ: «вѣдѣлъ, говоритъ, сапогъ сшить: одна лапа его, другая моя; не знаю, какъ угадать будетъ.» — Ничего, молитесь Спасу, ложитесь спать. — Самъ взялъ, надѣлъ сапоги скороходы, шапку невидимку. Которой отецъ покупаетъ матерью, и онъ той же рѣшетъ... Тотъ портнымъ отдастъ, и онъ тутъ же сидитъ, шьетъ; его никто не видитъ. Какъ та лапа сдѣлана, такъ и онъ сдѣлалъ.... Отдалъ своему царю. Тотъ приходитъ, приносить тестю. Сложили; лапа съ лапой сходится, все подошло. «Своими ли, говоритъ, ты это премудростями дѣлаешь?» — Своими, говоритъ — «Ну, говоритъ, надо башмаки подъ вѣнецъ. Ты башмакъ шей, а я другой.»

Пошелъ царь, рассказываетъ Микитѣ. «Молитесь Спасу, ложитесь спать.» А самъ надѣлъ шапку невидимку, сапоги скороходы. Которой тотъ покупаетъ кожи, и онъ той же рѣшетъ; на какой тотъ колодокъ шьетъ, и онъ на той же. Поутру приносить. «Ваше величество, отнесите!» Принесъ къ отцу. «Хорошо; теперь подъ вѣнецъ собирайтесь!»

Стали собираться подъ вѣнецъ. Никита и говоритъ: «коли хотите живыми быть, къ нему на пиръ не ходите; а прямо изъ церкви на судно.» — Вотъ повѣнчались. Тестъ сталъ его къ себѣ въ гости звать. «Нѣтъ, говоритъ; милости прошу къ себѣ на судно.» Попировали. Стали ложиться спать. Она и задумала его задушить. Стала наваливать, онъ и закричалъ: «Микита, Микита.» — Микита подбѣжалъ, три прута железныхъ о нее пробилъ... На другой день встаетъ. «Что у тебя за Микита?» — Спроси его сама. — Вотъ она вскричала: «Микита!» — Ихъ 12 Микитъ всѣ вдругъ бѣгутъ, голосъ въ голосъ, волосъ въ волосъ. На другую ночь опять стала она его душить; онъ и закричалъ: «Микита, Микита!» — Микита подбѣжалъ, три прута мѣдныхъ о нее избилъ... На другой день встаетъ. «Что тамъ у тебя за Микита?» — Крикнула:

«Микита!»—Бѣгутъ всѣ 12 Микитъ.—На третью ночь опять стала давить. Прибѣжалъ Микита, три прута стальныхъ о нее избилъ... Тутъ она присмирѣла. Попыли они домой.

Великій государь пошелъ въ свой домъ, а Микита въ стѣну пошелъ... «Микита! ты недостоемъ тутъ быть, говорятъ; ты достоинъ со мной половину царства имѣть.» Выдалъ за этого Микиту свою сестру, далъ половину царства. Прибылъ къ нему его отецъ въ гости. Стали ему слуги ноги мыть, сыну-то; оставили помой. Отцу ночью захотѣлось пить; онъ взялъ изъ таза-то этихъ помой-то и напился. Поутру встаютъ. Микита и говоритъ: «вотъ сонъ-то, говоритъ, я видѣлъ: что мнѣ будутъ ноги мыть, а тебѣ придется помой пить.»

(Записана мной въ с. Котовкѣ, ардамовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи.)

121.

ИВАНЪ КОСЫРЕВЪ

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, въ одномъ селѣ жилъ старикъ со старухой. Былъ у нихъ сынъ Иванъ дурачекъ. Поѣхалъ онъ пахать въ жаркій день; въ нему на лошадь паутье (оводъ) наслѣли. Ваялъ онъ съ размаху ушибъ этихъ пауковъ. Вразумилось ему, что онъ богатырь. Взялъ у матери кумашникъ, косырь; сѣлъ на лошадь, поѣхалъ. Ёдетъ путемъ-дорогой. Видитъ: идутъ три дороги и стоитъ столбъ, гдѣ богатыри записываются. Вотъ онъ росписался: «проѣхалъ Иванъ Косыревъ, побилъ съ маху триста душъ.»

Ёдутъ за нимъ два сильные богатыря; подписались на столбъ, поѣхали его догонять. Видятъ: онъ съ косыремъ ёдетъ... Раскинули шатры; и онъ раставилъ палочки, иа-дѣлъ кумашникъ, сидитъ подъ нимъ, а лошадь нуется въ